

Тарраш-публицист

В последнее время у нас заметно возрос интерес к творчеству знаменитого немецкого гроссмейстера Зигберта Тарраша (1862—1934). Свидетельством тому является, в частности, издание на русском языке его книг «300 шахматных партий», «Современная шахматная партия» (последняя — в сборнике, вместе с другими работами) и «Турнир чемпионов», а также выход в свет монографии, посвященной описанию жизненного пути шахматиста.

Повышенное внимание к Таррашу во многом можно объяснить изменением отношения к его воззрениям на теорию шахмат со стороны ряда отечественных авторов. До недавних пор он слыл главным догматиком, а ныне именуется глубоким теоретиком и классиком анализа, связавшим общетеоретическую концепцию Стейница с практикой шахмат.

В рамках данной главы мы не собираемся включаться в обсуждение вопроса о месте и роли Тарраша в развитии теории шахмат. Заметим только, что наиболее объективно значение Тарраша, вероятно, оценено на его родине, причем оценено спокойно, без крайностей и лишних эмоций.

Мы же хотели обратить внимание читателей на то, что Тарраш интересен не только как шахматный теоретик, но и как публицист, выступавший по вопросам педагогики и социального значения шахмат.

В последние годы XIX и первое десятилетие XX века Тарраш неоднократно выступал с предложением о введении преподавания шахмат в школе. В журнале «Шахматное обозрение» за 1903 год (№ 64—65. С. 367) сообщалось, в частности: «Нюрнбергский врач, доктор Тарраш, известный своими статьями по школьной гигиене, выступил с

проектом включения в число предметов преподавания в средней школе игры в шахматы. По мнению Тарраша, игра учит терпению, способствует развитию соображения и фантазии, доставляет удовольствие и вообще отвечает всем требованиям разумной педагогики. Ввиду этого Тарраш полагает, что игра в шахматы должна быть введена в старших классах средних учебных заведений как обязательный предмет».

Деятельность Тарраша в этом направлении, кульминацией которой явился доклад, прочитанный им осенью 1908 года в берлинском Доме архитектора, вызвала много откликов. На страницах шахматных изданий появляются статьи «за» и «против» школьных шахмат.

Н. Манхаймер (Дойчес вохеншах. 1904. № 6) резко критиковал позицию Тарраша. Автор утверждал, что шахматы в школе — лишь дополнительная нагрузка, которая отнимает время, вызывает переутомление и ничего не дает для будущего. Статья заканчивается фразой: «Шахматы в школу? Нет!».

Но большинство участников дискуссии поддержали Тарраша. Так, например, пастор О. Кох (Дойчес вохеншах. 1905. № 5) указывал, что шахматы развивают рассудительность, приучают к систематичности в занятиях. Он ссылался на мнения Андерсена, Ланге, Харузека, которые считали, что шахматы помогли им в учебе в гимназии. За введение обучения шахматам высказалась и влиятельная газета «Берлинер тагеблатт».

Эта проблема вызвала интерес и в соседней Австро-Венгрии. Известный мастер Г. Марко указывал, что игровые моменты, содержащиеся в шахматах, весьма важны в жизни и поэтому должны быть даны юношам и подросткам. Марко, правда, рекомендовал обучать шахматам в школах преимущественно в... зимнее время (Винер Шахцайтунг. 1911. № 17/22).

По-видимому, идея о введении шахмат в курс школьного обучения была впервые поставлена и серьезно аргументирована Таррашем. Однако, насколько нам известно, каких-либо практических шагов не последовало. Лишь спустя примерно 50 лет в обоих существовавших в то время германских государствах (ФРГ и ГДР) были приняты

серьезные меры в этом направлении. Тогда же получили известность исследования академика Г. Клауса (ГДР), показывающие воспитательное значение шахмат.

Тарраш видел в шахматах не только полезное средство развития ума и характера человека. 23 сентября 1908 года, сразу же после закончившегося для него поражением матча на мировое первенство с Эм. Ласкером, Тарраш дал интервью корреспонденту «Мюнхенских новостей». На вопрос: «Теперь вы навсегда распрощаетесь с игрой?» — он резко ответил: «С игрой? Вы полагаете, что я посвятил четверть столетия игре? Собственно, шахматы — это спорт, но в своей сущности они искусство. Разве не дают шахматы эстетическое удовлетворение, как каждое другое искусство?»

Два года спустя Тарраш более подробно сформулировал свои соображения по этой проблеме. Им была подготовлена статья «Шахматы как искусство», которую опубликовал русский журнал «Шахматное обозрение» (1910. № 91–92. С. 44–45). Приведем несколько выдержек из публикации.

«Шахматная игра имеет впереди большое будущее. Все более и более утверждается мнение, что она в том виде, в каком существует теперь, не только игра, но и своего рода произведение искусства... и, действительно, шахматная игра не только искусство по самому характеру своему, но и по тому впечатлению, которое она производит на зрителя».

«Красивая шахматная партия, так же как и всякое другое произведение искусства, вызывает у играющего и у зрителя самые разнообразные эстетические эмоции».

«То обстоятельство, что шахматная игра вместо игры в узком смысле этого слова все больше и больше становится самостоятельным искусством, чувствуется и в социальном значении, которое она приобретает».

Нельзя не согласиться с тем, что эти высказывания актуальны и сегодня. Но, к сожалению, надо отметить, что по сей день не проведено серьезного психологического анализа особенностей эстетического восприятия в шахматном творчестве. Научное объяснение этого вопроса позволило бы всем сторонникам признания шахмат своеобразным

искусством иметь весомые аргументы в обосновании своей позиции.

Очень интересны соображения, высказанные Таррашем о свойствах мышления шахматиста. (Статья «Об игре вслепую» — журнал «Дойче Шахцайтунг». 1897. № 3. С. 65—68 и № 4. С. 97—102). Но сначала вкратце о причинах появления этой статьи.

В 1892 году профессор Сорбонны А. Бинэ, изучавший особенности человеческого интеллекта, обратился с рядом вопросов к известным шахматистам того времени по поводу содержания их размышлений в процессе игры. Бинэ предполагал, что мышление шахматистов — это мышление счетчиков. И что сильный шахматист превосходит слабого дальностью расчета вариантов.

Однако эта гипотеза не нашла подтверждения. Бинэ, на основании проведенных исследований, пришел к заключению об особой значимости смыслового содержания образов, которыми оперирует шахматист в ходе обдумывания. «Партия запоминается тем легче, чем определеннее идеи, выраженные ею», — отмечал, в частности, Бинэ.

Приведем несколько ответов Тарраша на анкету профессора Бинэ.

«Можете ли играть не глядя на доску и сколько партий?»

— Могу играть 6—8 партий одновременно. 22 мая 1881 года во Франкфурте я играл 6 партий.

«Хорошая ли у вас обычно память? Хороший ли вы математик? Хорошо ли считаете в уме?»

— Моя память несколько выше средней. События текущей жизни я быстро забываю. Память на лица очень плохая (не узнаю прошлых пациентов)... Я долго помню особенности болезни пациентов, но самих больных я забыл. Моя шахматная память особенно хороша, потому что шахматы меня интересуют больше всего. Я могу в короткое время вспомнить партию, которую играл в Берлине 12 лет назад и не повторял в течение этого срока... При этом вспоминается вначале идея, внутреннее содержание партии.

Математик я средний... Счет в уме проводил плохо. Это было заметно уже в школе.

«Как вы представляете позицию в игре вслепую? Как происходит представление позиции при переходе от одной партии к другой?» (имеется в виду сеанс одновременной игры — Н. К.).

— Я, конечно, способен представить всю позицию перед глазами, но это тяжело. В памяти остается главное, существенное для той или иной позиции. Но иногда остается и фотография доски.

— Я контролирую расчет смысловой памятью. Вообще вся игра построена на смысловой памяти. Каждая партия имеет особый смысловой характер и тем различается. Благодаря этому я ее запоминаю. Мне передают, например, что в партии № 4 сделан ход Кре8-d8. Из хаоса, царящего в уме, я начинаю вспоминать, думать — что *значит* этот ход? Вспоминаю: был королевский гамбит с с7-с6. Противник дал мне пожертвовать слона на f7, брать нельзя — поэтому пошел на d8. Такова логическая цепь рассуждений...

—...А вообще всякая игра ведется, в сущности, вслепую. Всякая комбинация в 5–6 ходов просматривается в уме.

Психологическими исследованиями, начиная с работ А. Бинэ, определены характерные особенности мышления шахматистов. Полученные результаты во многом опирались на свидетельства специалистов — шахматистов высокой квалификации. И в этой своеобразной помощи науке заслуги Тарраша бесспорны.